РАФАЭЛЬ

КАНОССА

ЛОВЛЯ ДУШ ЖИВЫХ

Рафаэль Каносса

Ловля душ живых

«Автор»
2026

Каносса Р.

Ловля душ живых / Р. Каносса — «Автор», 2026

Остоженка. Рабочая слобода. Здесь, среди дымящихся труб и запаха кумача, учительница Вера Строева стала свидетелем того, как рушится старый мир и рождается новый — мир большевистской революции, смерть Ленина, оттепель нэпа. Но не только красные вихри истории пронеслись над ее судьбой. Вместе с ними в жизнь Веры ворвалась мистика, которой нет объяснения и от которой стынет кровь в жилах. Лисица, в которую переселяются человеческие души. Колдуны, творящие чудеса, от которых меркнет свет. Таинственные кукловоды, перед которыми бессильна всемогущая ВЧК. Это не просто фантомы — это древняя, темная сила, что пытается оседлать революцию и подчинить себе новую эпоху. И лишь горячая, как раскаленный металл, любовь к Вадиму Колыванову — молодому следователю ЧК — помогает Вере разобраться в мистических явлениях, сделавших ее жизнь невыносимой и смертельно опасной. Это не просто роман — это схватка красного проекта с бездной, где на кону стоит не только любовь, но и сама душа русской революции.

© Каносса Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остоженка, декабрь 1918 5
Глава 3. Ёлка 9
Глава 4. Лисица 11
Глава 5. Тот, кто говорил со зверями 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Рафаэль Каносса
Ловля душ живых

Глава 1. Остоженка, декабрь 1918

Мороз в тот вечер стоял такой, что, казалось, сам воздух превратился в стекло — тронь, и зазвенит. Снег валил с неба крупными хлопьями, и метель кружила их так, что не видно было ни зги. Фонари на Покровской улице горели через один — керосина не хватало, и фонарщик Игнат, старик с обмороженным носом, давно махнул на них рукой.

Впрочем, в школе рабочей молодёжи, что стояла в Обыденском переулке на Остоженке, свет горел во всех окнах. Там шла подготовка к ёлке.

***

Дверь класса скрипнула, и в коридор выскользнула девушка в сером пальто с потертым меховым воротником. Вера Строева, двадцати двух лет, учительница словесности и по совместительству — секретарь школьного совета. Ее лицо под светлыми, почти соломенными волосами было бледное, но глаза горели тем особенным огнём, какой бывает у людей, привыкших бороться с обстоятельствами и не привыкших проигрывать.

Она прислонилась к стене и перевела дух. Только что у неё был тяжёлый разговор с завхозом, старым петроградским рабочим Егором Пантелеевичем. Тот сидел в своей каморке, пил морковный чай и был мрачнее тучи.

— Вера Николаевна, — сказал он ей, — я человек простой. Мне сказали: ёлку для ребят. Я ёлку срубил, привёз, прибил, как полагается. Мне сказали: жди Ленина. Я жду. А вы мне теперь говорите — пропали подарки.

— Я не говорю «пропали», Егор Пантелеевич, — тихо ответила Вера. — Я говорю — не все на месте.

Корзина с подарками, которую привезли в школу накануне вечером по распоряжению из Совнаркома, стояла в кладовой под замком. Замок был цел. Дверь — тоже. Но когда Вера и монтёр Гриша Яковлев, парень лет восемнадцати, с руками, которые всё умели, вскрыли корзину, чтобы пересчитать и разложить гостинцы по мешочкам, обнаружилось: пяти автомобильчиков, трёх барабанов и одной куклы — той самой, которую Вера лично выбрала для маленькой Кати, дочери погибшего на фронте рабочего, — не хватало.

— Может, в Совнаркоме недоложили? — предположил Гриша, почесав затылок.

— Может, — согласилась Вера. — Только список был точный, я сама его составляла. И корзину я принимала сама. Всё было на месте.

Гриша присвистнул.

— Вот тебе и раз.

Вера не спала всю ночь. Она сидела в пустом классе при свете керосиновой лампы и думала. Мысли были тяжёлые.

Шёл второй год революции. Голод, холод, тиф. В школе рабочей молодёжи учились те, кто днём стоял у станка, а вечером тянулся к знанию — к буквам, к цифрам, к поэзии. Вера учила их Пушкину и Некрасову, а они учили её выживать. И вот теперь — кража. В школе, где каждая копейка на счету, где дети получают по куску хлеба в день. Кто мог?

Она перебирала в памяти лица. Монтёр Гриша — золотые руки, но бывший беспризорник, всякое видал. Сторож Семён — молчаливый мужик с обмороженным лицом, пришёл

откуда-то с Урала. Учитель арифметики Павел Сергеевич, интеллигент в пенсне, вечно голодный, вечно в чём-то нуждающийся. Уборщица Глаша — девушка простая, но глазастая.

И ещё — странный человек, появившийся в школе за неделю до того. Назвался Иваном Петровичем, сказал, что прислан из отдела народного образования проверять постановку учебного дела. Документы у него были в порядке. Но Вере отчего-то сразу не понравился его взгляд — слишком внимательный, слишком цепкий. Он ходил по коридорам, заглядывал во все углы, задавал много вопросов. И исчез как раз накануне того дня, когда обнаружилась недостача.

«Мистика какая-то», — подумала Вера и вздрогнула от этой мысли. Мистики она боялась больше, чем стужи. В университете она считалась человеком передовым, материалисткой, атеисткой. Но была в её жизни одна история, о которой она никому не рассказывала. История, связанная с зеркалом в старом доме на Пречистенке, где она жила до революции с родителями. Однажды ночью она увидела в зеркале не своё отражение. С тех пор она не любила темноты и не любила загадок, которые не имели объяснения.

А эта кража пахла именно загадкой.

***

Утром пришли ребята. Шумные, голодные, в латаных пальтишках, в валенках с галошами. Они принесли самодельные игрушки — медведей из серой материи, зайцев с ушами из обрезков кожи, слонов из старых чулок. Все это развесили на ёлке, которую Егор Пантелеевич прибил к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу.

Вера смотрела на них и думала: «Неужели кто-то из них?» И тут же гнала эту мысль прочь. Нет. Дети не могли. Дети ждали Ленина, как ждут чуда.

— А что если Ленин не приедет? — спрашивали они завхоза.

— А если метель опять будет, Ленин приедет всё-таки или нет?

Егор Пантелеевич, человек, знавший Ленина по Петрограду ещё до революции, отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит, приедет.

Вера слушала и думала о своём. О том, что вор — если это вор — непременно вернётся. Или уже вернулся. Или никогда не уходил.

Глава

2. Человек с холодными глазами

Днём Вера пошла в кладовую — ещё раз осмотреть место. Кладовая была маленькая, с одним окошком под потолком, забранным решёткой. Замок висел на двери — большой, амбарный, с секретом. Егор Пантелеевич запирал им кладовую ещё с осени.

Вера принесла лампу, поставила на пол и стала смотреть. Пол был земляной, утоптанный. В углу — ящики с углём. На полке — банки с керосином. В другом углу — корзина, та самая. Пустая.

И тут она заметила то, чего не увидела вчера.

На земляном полу, у самого порога, был след. Не человеческий. Маленький, аккуратный, с отчётливыми отпечатками когтей. След лисицы. Или собаки. Но откуда в кладовой, запертой на замок, взяться собаке?

Вера наклонилась. След был свежий, чёткий. И рядом с ним — ещё один, поменьше, потом ещё. Как будто зверь прошёл, а потом вернулся.

— Что это вы тут? — раздался голос за спиной.

Вера обернулась. На пороге стоял человек в сером пальто и круглых очках. Тот самый Иван Петрович, проверяющий.

— Вы вернулись, — сказала Вера, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Дел много, — уклончиво ответил он и шагнул в кладовую. Взгляд его упал на пол, и Вера заметила, как дёрнулся у него мускул на щеке. — А вы, я вижу, тоже интересуетесь… следами?

— Интересуюсь, — сказала Вера. — А вы?

Он не ответил. Только присел на корточки, провёл пальцем по земле и поднёс палец к свету.

— Странно, — сказал он тихо, как бы сам себе. — Очень странно.

— Что именно?

Он поднял на неё глаза. И в этот раз Вера увидела в них не просто цепкость. Она увидела страх. Настоящий, животный страх.

— Вы в Бога верите, Вера Николаевна? — спросил он неожиданно.

— При чём тут Бог?! - громко произнесла она. Чересчур громко…

— При том, что тут не вор. Тут что-то похуже.

С этими словами он поднялся, отряхнул колени и вышел вон. Вера осталась стоять, глядя на следы на полу. Сердце её колотилось.

***

Вечером она рассказала обо всём Грише. Тот слушал, нахмурившись, сведя вместе свои темные брови, машинально крутил в руках старую ободранную отвёртку.

— Иван Петрович этот, — сказал он наконец. — Я его сегодня видел. Он к сторожу подходил, к нашему Семёну. О чём-то говорил. А Семён после этого сам не свой — бледный, руки трясутся.

— А где сейчас Семён?

— На дворе. Ёлку снегом обметает, чтобы к вечеру чистая была.

Вера вышла на крыльцо. Метель стихла, но мороз стал ещё крепче. Сторож Семён стоял под сосной, прислонившись к стволу, и курил самокрутку. Увидев Веру, он быстро спрятал руку за спину.

— Семён, — сказала она мягко. — Что вам сказал этот человек? Иван Петрович?

Семён долго молчал. Потом выдохнул облако пара и ответил:

— Сказал, чтобы я ночью в кладовую не ходил. Сказал, что там… нечисто.

— Нечисто?

— Он сказал: «Если услышишь ночью, что в кладовой будто зверь скребётся, — не ходи. Крестись и жди». А я, Вера Николаевна, в Бога-то не очень верю. Еще с прошлой жизни, с дореволюционной. Но послушался. Потому что я ночью и вправду слышал. Как будто кто-то ходит там. Маленький. Быстрый. И будто смеётся тихонько. Вот как дитё.

У Веры похолодели пальцы.

— Почему вы мне сразу не сказали?

— А кому говорить? — Семён пожал плечами. — Времена такие. Скажешь — засмеют. Или хуже — решат, что я сам и украл, а теперь отговариваюсь чертовщиной.

Вера вернулась в школу и села за стол. Руки дрожали. Она взяла лист бумаги и стала писать. Не план урока — план расследования.

Пункт первый: пропали вещи из запертой кладовой. Замок цел, дверь цела. Пункт второй: на полу следы зверя, которого там быть не может. Пункт третий: человек, называющий себя проверяющим, знает больше, чем говорит. И боится. Пункт четвёртый: сторож слышал ночью в кладовой что-то живое.

Она отложила перо и задумалась.

«А что, если это не вор? — пронеслось у неё в голове. — Что, если это и вправду что-то… нечеловеческое?»

Она вспомнила зеркало на Пречистенке. Ночь, когда ей было шестнадцать. Отражение, которое моргнуло чуть позже, чем она сама. Она тогда убежала из комнаты и спряталась под одеялом, как маленькая. Утром зеркало было обыкновенным. Но она так и не смогла смотреть в него без содрогания.

«Нет, — сказала она себе. — У нас уже случилась социалистическая революция. Страна принадлежит нам, трудящимся. Нет никакой мистики, товарищи! Всё имеет объяснение. Надо только найти его».

Глава 3. Ёлка

Наступил вечер. Метель снова поднялась — и уже не как метель, а как нечто большее: снежная масса, белая, плотная, животная, поднялась из земли и начала жить собственной жизнью. Ветер засвистел в соснах — свист был длинный, ровный, почти человеческий, как будто сосны пели одну ноту, и нота эта была из тех, что не кончаются. Сухой снег закружился по земле белыми змейками — змейки были быстрые, гладкие, они сплетались и расплетались, и если долго смотреть, можно было увидеть в их движении ритм, правильный и повторяющийся, как дыхание.

А потом с неба повалили белые хлопья. Повалили — именно так: не посыпались, не полетели, а повалили, тяжело, густо, всей массой, как будто кто-то опрокинул на землю огромный мешок ваты.

Ёлка была уже убрана. Вера вместе с ребятами развесила игрушки — медведей из серой материи, зайцев с ушами из обрезков кожи, тигров, бегемотов и индийских слонов из старых чулок. Маленькая Катя — та самая, для которой пропала кукла, — повесила на верхушку бумажную звезду, выкрашенную красной краской. Звезда вышла кривобокой, лучи её торчали в разные стороны, как пальцы человека, сбитого трамваем. Но Катя вс равно была счастлива. Счастье на её лице было густым, почти вещественным, оно блестело на щеках, как жир.

— Вера Николаевна, - запинаясь, спросила она, - а Ленин… правда приедет? Он же все-таки… вождь.

— Правда, — сказала Вера. И сама почти поверила в это.

Вождь, но - народный, наш. Не от Бога, а почи от сохи. Хоть и вырос в семье потомственного дворянина Ильи Ульянова. Но сам-то Илья Ульянов был вчерашним крепостным, и к барам не имел никакого отношения. Разве что его предки работали на них… А теперь его второй сын согнул их в бараний рог - на радость всем настоящим трудящимся.

Время шло. Ленина всё не было. Ребята сидели на полу, на скамейках, на подоконниках. Кто-то из тех, кто был побольше,сказал вполголоса, с грустью:

— В такую-то сильную метель, конечно, не приедет.

Потом ребята не выдержали, снова побежали к Вере.

- Вера, так нам ждать его? Или как? Будет он?

Вера кусала губы. Что она могла им ответить. Она и сама не знала ничего толком.

- Я… верю, что он - приедет, - произнесла она наконец дрожащим голосом.

И Ленин приехал.

Вера стояла в дверях и смотрела, как он поднимается по лестнице. Невысокий, в толстой шубе, с влажным от растаявшего снега лицом. Лицо было красное, блестящее, как сырое мясо. Он вытер лицо платком и сразу пошёл в большую комнату, к ребятам.

Те узнали его сразу — по портретам, которые с начала 1918 года обязательно висели в каждом классе. Но растерялись, замолчали. Молчание было плотное, вязкое, оно висело в комнате, как дым.

Ленин не стал ждать. Хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки играть умеет?

Первой ответила Вера. Не потому, что хотела играть, — просто надо было разрядить обстановку.

— Я!

— И я! — закричал Лёша, веснушчатый мальчишка, с шеи которого не сходил шарф, связанный матерью перед её смертью от тифа. Шарф был серый, растянутый, с дырой на локте, и пах тифом.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Ленин.

Ребята стали в круг. Мышкой назначили маленькую Катю. Лёша кинулся за ней — её легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял её высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Вера смотрела на это и улыбалась, сама того не замечая. А потом поймала себя на мысли, что думает вовсе не о Ленине. Она думала о том, что где-то там, в кладовой, лежит пустая корзина. И что через час-другой все разойдутся по домам, и школа опустеет. И тогда вор — или кто там был — вернётся. Мысль была холодная, гладкая, она вошла в голову и осталась там, как гвоздь.

А потом всё пошло своим чередом. Из дверей вышел «слон» — монтёр Гриша и школьный сторож накрылись серым чехлом от рояля. Чехол был тяжёлый, пыльный, он пах роялем и мышами. Ребята визжали от восторга — визг был высокий, острый, он резал воздух, как нож. Ленин играл в жмурки, и Вера видела, как он притворился, что идёт вперёд, а сам мигом повернулся на носках и схватил Сеню. Как он щупал его волосы, лоб, щёки. Пальцы у Ленина были короткие, толстые, тёплые. Они мяли лицо Сени, как тесто. Как Сеня — и жалко ему было, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом Катя читала стихи Пушкина, сбилась и заплакала. Слёзы были крупные, светлые, они текли по щекам и капали на пол. Ленин утешал её. Катя вытерла слёзы грязноватым голубым платочком, порванном на углах, и сказала, кривя губы:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалёку живу.

Вера стояла у стены и думала: «Вот она, жизнь. Простая, человеческая. А я — как дура, с ума схожу из-за кражи. Может, и вправду не стоит искать? Может, это просто недоразумение?» Но что-то внутри неё говорило: нет. Не недоразумение. Всё гораздо сложнее.

***

Потом Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эту корзину Вера уже видела — точнее, её сестру-близнеца. Ту, что стояла в кладовой. Эти подарки привёз ребятам Ленин.

Вера смотрела, как дети разбирают гостинцы. Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан. Катя получила куклу — новую, из другой корзины, но такую же, как та, что пропала.

И тут Вера увидела то, от чего у неё перехватило дыхание.

За спиной Ленина, у самой стены, мелькнула тень. Маленькая, быстрая. Как будто собака пробежала — но не собака. Что-то с длинным хвостом и острыми ушами. Вера моргнула. Тень исчезла.

Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал. Вера бросилась к двери — но было уже поздно. Он уехал.

А потом, когда все разошлись, Вера осталась в школе. Одна. Она взяла лампу и пошла в кладовую.

Глава 4. Лисица

Кладовая встретила её тишиной. Вера приоткрыла дверь, посветила внутрь. Пусто. Корзина стоит на месте. Ящики с углём. Пыльные стеклянные банки с керосином.

И тут она услышала.

Звук был тихий, но отчётливый. Как будто кто-то скребётся в углу. Мягко, быстро, ритмично. Скреб-скреб-скреб. И тихое, почти неслышное посмеивание — как будто ребёнок смеётся во сне.

У Веры кровь застыла в жилах.

— Кто здесь? — спросила она.

Поскрёбывание прекратилось. Настала тишина.

Вера шагнула внутрь. И тут из-под ящиков с углём метнулась тень. Маленькая, рыжая, с пушистым хвостом. Лисица. Настоящая, живая лисица. Она пронеслась мимо Веры, чуть не сбив её с ног, и юркнула в щель под дверью — щель, которой Вера раньше не замечала.

Вера выскочила следом. Но на дворе уже никого не было. Только следы на снегу — маленькие, аккуратные, с отпечатками когтей. Они вели к забору, а потом обрывались.

Вера вернулась в кладовую и осмотрела щель под дверью. Та была узкая, но лисица прошла. А потом Вера увидела то, что заставило её сердце биться чаще.

В углу, за ящиками, была нора. Настоящая нора, вырытая в земляном полу. А в норе — тайник. В тайнике лежали пропавшие подарки: пять автомобильчиков, три барабана и кукла. Все целые, все на месте. И рядом — несколько куриных костей и обрывок серой материи.

Вера села на пол и засмеялась. От облегчения. От того, что всё оказалось так просто и так нелепо.

Лисица. Живая лисица, которая каким-то образом пробралась в кладовую и устроила там себе логово. Она таскала блестящие вещи — автомобильчики, барабаны. Куклу — наверное, потому что у неё были стеклянные глаза. И никто не мог понять, в чём дело, потому что люди ищут вора, а вор — вот он, рыжий, с пушистым хвостом.

— Мистика, — сказала Вера вслух. — Самая настоящая мистика.

Она собрала подарки в корзину и понесла в класс. Завтра она вернёт их детям. Завтра всё будет хорошо.

***

Но на следующее утро её ждал сюрприз.

Едва она переступила порог школы, как Егор Пантелеевич схватил её за руку и потащил в кладовую.

— Смотрите, Вера Николаевна, — сказал он. — Я тут решил нору эту засыпать. Ну, мало ли. И вот что нашёл.

На полу, рядом с норой, лежал маленький свёрток. Вера развернула его. Внутри был крестик. Нательный, серебряный, на тонкой цепочке. И записка, написанная корявым почерком:

«Тому, кто найдёт. Не ищи меня. Я не хотел зла. Лисица — не моя вина. Это он. Он приходил по ночам и говорил с ней. Он умел говорить с зверями. Он и меня научил. Но я не хотел. Простите. Иван».

Вера перечитала записку трижды.

«Он приходил по ночам и говорил с ней. Он умел говорить с зверями».

Кто — он?

И тут она вспомнила. Иван Петрович. Человек с холодными глазами. Проверяющий. Который сказал: «Тут не вор. Тут что-то похуже». Который боялся - так сильно, что дрожал от страха.

Вера выбежала на улицу. Снег уже стаял, и следы лисицы давно исчезли. Но у забора она увидела новые следы — человеческие. Большие, мужские. Они вели к лесу.

Она вернулась в школу и спросила у Семёна:

— Иван Петрович приходил вчера?

— Приходил, — сказал Семён. — Вечером. Когда все ушли. Сказал, что забыл что-то в классе.

— И что он делал?

— Не знаю. Я не смотрел. Я устал, пошёл домой.

Вера вернулась в класс и села за стол. Перед ней лежали записка и крестик. На крестике была гравировка — крошечная, едва заметная. Вера поднесла его к свету и прочитала: «Спаси и сохрани. 1913».

Она перевернула крестик. На обратной стороне было ещё что-то. Буквы. «И.П.».

Иван Петрович.

Глава 5. Тот, кто говорил со зверями

Вера нашла Ивана Петровича на следующий день. Он сидел в трактире на Сухаревке, пил чай и смотрел в окно. Увидев Веру, он не удивился. Только отодвинул стул и сказал:

— Садитесь. Я знал, что вы придёте.

— Кто вы такой? — спросила Вера, садясь напротив.

— Я — тот, кого вы ищете, — ответил он. — И тот, кого вы боитесь.

Он вынул из кармана портсигар, закурил. Руки у него дрожали.

— Я не проверяющий, — сказал он. — Я — бывший следователь. По особым делам. До революции служил в сыскной полиции. А потом… потом всё изменилось. Но дело, которое я вёл, осталось.

— Какое дело?

— Вы слышали когда-нибудь о человеке, который умеет говорить с животными?

Вера покачала головой.

— Я тоже не слышал. Пока не столкнулся. Его зовут Николай Аркадьевич Бекетов. Бывший профессор зоологии. До революции — уважаемый человек, учёный. А потом — помешался. Начал говорить, что животные — это не просто животные. Что они — души. Что он может с ними разговаривать. И что они могут разговаривать с ним.

— И это правда?

— Я не знаю. Но я знаю другое. В прошлом году в Петрограде произошла серия странных краж. Из запертых комнат пропадали вещи. Дорогие, блестящие. И каждый раз на месте преступления находили следы животных. То собаки, то кошки, то лисицы. Полиция сбилась с ног. А потом я нашёл Бекетова. Он жил в подвале, в доме на Гороховой. У него там был целый зверинец — лисы, хорьки, даже ворон. И он с ними разговаривал. По-настоящему. Я слышал.

Вера слушала, не перебивая.

— Я арестовал его. Но он сбежал. И теперь он здесь. В Москве. И он снова взялся за своё. Эти кражи в вашей школе — его рук дело. Он приручил лисицу и научил её таскать вещи. Это его почерк.

— Но зачем? — спросила Вера. — Зачем ему подарки для детей?

Иван Петрович усмехнулся.

— Он не вор, Вера Николаевна. Он — коллекционер. Ему не нужны ценности. Ему нужны предметы, которые… как бы это сказать… имеют душу. Он верит, что у каждой вещи есть дух. И что он может их собирать.

— Это безумие.

— Безумие, — согласился Иван Петрович. — Но безумие опасное. Потому что он не остановится. И потому что он очень, очень умён.

Он затушил папиросу.

— Я пришёл в вашу школу, потому что знал: он появится здесь. Он всегда появляется там, где дети. Дети — это… как он говорит… «чистые души». Он верит, что может забрать их души и вселить в животных.

Вера похолодела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.